

доказывает тезис, что нормальная жизнь литературы должна протекать под эгидой критики, людей «верховного самого степени учительных». По-видимому, здесь он опирался на практику академической цензуры, обладавшей редакторскими полномочиями. Однако новые писатели не прислушиваются к мнениям «людей искусных», а апеллируют к мнению своего узкого кружка, друзей и знакомых.

Теплов проницательно уловил изменившуюся ситуацию, отмеченную, говоря его словами, расцветом авторского «самолюбия», и понял, что время, когда «стихотворцы смиренномудрствовали», не вернется, предвещая одновременно упадок литературы от «числа умножившихся в свете авторов».

В значительной степени все это было естественным последствием той профессиональной унификации литературной системы, за которую ратовал сам Теплов. К 1750-м гг. были детально разработаны четкие правила для каждого жанра, указана соответствующая ему тематика, составлены схемы метра, строфики и композиции для произведений разных родов. Можно упомянуть и практическую стилистику, ориентированную на современный общеупотребительный язык. Литературные навыки, которые раньше приобретались специальным обучением, стали доступны самообразованию. Примеры усвоения поэтической техники при помощи откровенного подражания образцам часто встречаются в журналах М. М. Хераскова. Сотрудничавшие здесь начинающие поэты повторяли сюжеты Сумарокова или вступали в своеобразные состязания между собой, по-разному разрабатывая одни и те же темы. Элитарность круга писателей была нарушена; различие между «поэтом» и «стихотворцем» всегда ощущалось весьма неопределенно, а теперь «стихотворцем» мог стать каждый.

Кроме того, соперником поэзии в ее обращении к широкому читателю стала развлекательная проза, ранее вообще выведенная за рамки литературы и в России даже не допускавшаяся в печать. Ее создателей, переводчиков и авторов мало волновала пропаганда идей, поскольку они руководствовались прежде всего читательским спросом.

В более общем смысле изменения, происходившие в литературной жизни, были следствием социально-культурных перемен. К середине века русское дворянство осознает себя как самостоятельную общественную силу. Как установил в свое время Г. А. Гуковский, исследуя литературное творчество оппозиционных правительству дворянских группировок в 1750—1760-х гг., существовала непосредственная связь между формированием словесной идеологии дворянства и новыми явлениями в литературе.²²

---

²² Гуковский Г. А. Очерки по истории литературы XVIII в. (Дворянская фронда в литературе 1750—1760 гг.). М.; Л., 1936.